

Хан Ф. Фермойлен

ГЕРАРД ФРИДРИХ МИЛЛЕР (1705 – 1783)
И СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ В СИБИРИ¹*

Введение

Начало этнологии обычно связывают с XIX столетием. Этнологи почти повсеместно восприняли мысль, что этнология – «молодая» наука, начало которой в 60-х годах XIX в. связано с именами Тейлора в Англии, Бастиана в Германии и Моргана в Америке, затем в 80-х – с именем Боаса в Америке и в 90-х – с Дюркгеймом и Моссом во Франции. Этот канонический ряд отцов-основателей этнологии характеризуется такими ключевыми словами, как эволюционизм и историзм, либо диффузионизм. Согласно этой парадигме этнология должна была стать «научной» после долгой подготовки. Этот канон был развит выступлениями Бронислава Малиновского как первого полевого исследователя, начиная с 20-х годов XX в. Малиновский стал основателем полевых исследований: его метод «включенного наблюдения» остается характерным для современной этнологии. Эта схема: эволюционизм, диффузионизм, исторический партикуляризм, функционализм, структурализм, постмодернизм, является канонической и изучается повсеместно в мире².

Существенным исключением из такого стандартного подхода являются представители «социальной антропологии» в Соединенном Королевстве, которые, начиная с А.Р. Редклифа-Брауна и Э.Э. Эванса-Притчарда подчеркивают, что корни «социальной антропологии» лежат в шотландском Просвещении XVIII столетия. Такие философы, как Адам Фергюсон, лорд Кеймс (Генри Хоум), лорд Монбоддо (Джеймс Барнет) и Уильям Робертсон первыми использовали этнографические данные в рамках своих теорий развития человечества и тем самым заложили фундамент будущей «социальной антропологии»³.

Во Франции также признавалось значение Просвещения для антропологии. Из французских просветителей в качестве отцов-основателей антропологии упоминались прежде всего Монтескье, Вольтер, Бюффон и Дидро. Но первые трое и последний из них были философами, а Бюффон – натурастори́ком и считается предтечей биологической антропологии. Одним из самых ранних представителей этнологии следует

* Перевод с немецкого языка Н.Н. Баранова.

считать А.-Ц. Шаванна (1787)⁴ и Ж.-Ф. Лафито, который в 1724 г. рассмотрел и обозначил как «полезные и привлекательные» «познания о нравах и обычаях различных народов»⁵.

Историки рассматривают историю этнографии (они неохотно говорят об этнологии) совершенно иначе. Они рассматривают этнографию как «старую» науку, которая существовала еще в древности, у греков и римлян. Геродот, отец историографии, вводил сравнительные замечания о греках и персах; Страбон рассматривается как географ, который сделал множество этнографических наблюдений; Тацит первым выпустил описание германцев. По истечении средневековья и путешествий Поло и Карпини, этнография совершила прорыв в связи с заморскими путешествиями, прежде всего в эпоху Великих географических открытий⁶. Но большинство таких экспедиций служило интересам торговли, а путевые описания (сообщения) были скорее побочным продуктом, нежели целью этих поездок; к счастью, между тем, там находились этнографические заметки. Историки признают, что этнография или этнология институционализировалась в XIX веке. Это обстоятельство опять же играет для этнологов довольно важную роль, если они фокусируются на парадигме эволюционизма.

В обеих точках зрения, как этнологов, так и историков, остается существенно затемненным XVIII век. Если он и упоминается, как, например, сторонниками британской «социальной антропологии», то только его вторая половина и в основном шотландское и французское Просвещение, которое было важно для развития «социальной антропологии». Немецкое Просвещение, которое играло выдающуюся роль на ранней стадии развития этнографии и этнологии, в зарубежной секундарной литературе почти не встречается. Фундаментальный вклад Г.Ф. Миллера в основание этнографии повсеместно упускается из виду и даже в Западной Европе остается почти полностью неизвестным.

Для XVIII столетия признаются важными большие путешествия европейцев. Особую категорию в этих путевых сообщениях составляют исследовательские экспедиции: широко известны три кругосветных путешествия Джеймса Кука (1767–1780), морские экспедиции Л.А. Бугенвиля (1766–1769) и Ж.Ф. Лаперуза (1785–1789). Они заняли свое место в истории европейской экспансии. К великим экспедициям британцев и французов непосредственно примыкают сухопутные экспедиции русских, которые, однако, в сравнении с морскими экспедициями

англичан, французов и тех же русских, известны куда меньше. Вместе с тем первая и вторая Камчатские экспедиции (1725–1730, 1733–1743), Первая и Вторая Оренбургские экспедиции (1734–1737, 1768–1774) и академические экспедиции (1768–1774) сыграли чрезвычайно важную роль для становления этнографии. В особенности основополагающей была Вторая Камчатская экспедиция, поскольку с ней связаны истоки аутентичной этнографии, проявившиеся, прежде всего, в работах Герарда Фридриха Миллера. В этой этнографии, которая происходила из практики в Сибири, я вижу возможность закрыть бреши между этнологическими и историческими представлениями о началах этнологии и этнографии, и достичь нового консенсуса.

Мое намерение состоит в следующем: сначала обсудить историю терминов, затем перейти к Миллеру и его достижениям как этнографа, а также его работам в ходе и по окончании Второй Камчатской экспедиции, после чего изложить развитие (этого направления) вплоть до введения этнографии в научный дискурс в Геттингене и Вене, наконец, обрисовать главные моменты российской этнографии конца XVIII – начала XIX вв.

История понятий «этнография» и «этнология»

Для компенсации односторонности теорий, объясняющих становление этнологии необходимо обратиться к истории понятий. Наряду с выше упомянутыми этнологическими теориями в истории этнологии необходимо выделить как минимум два других процесса: концептуализация этнографии и этнологии, и их институционализация⁷. В обоих случаях речь идет об этнологии или народоведении, при этом этнография как описательное народоведение является первичной, но не об антропологией. Антропология играла в этот период иную роль, причем была в основном ориентирована либо физически, либо психологически. Только в XIX столетии антропология как «естественная история людей» стала серьезной конкуренткой этнологии.

В процессе концептуализации этнологии выделяются несколько фаз:

- 1) фаза зарождения: от Лейбница (1710) до заметок Миллера, когда разработка описания народов происходила из практики (1710–1747);
- 2) вторая фаза: от описания народов Миллером к этнографии (1767–1771);

3) третья фаза: генерализация и обобщение в университете Геттингена около 1770 г., от описания народов или этнографии к народоведению (1767–1778);

4) четвертая фаза: от народоведения к этнологии (1781–1787), прежде всего за пределами Геттингена, а именно в Вене, Лозанне и Йене.

Необходимость обращения к истории понятий исходит из того, что в литературе постоянно происходит смешивание понятий этнология и антропология: таково наследие XIX в. Еще в 1871 г. после долгих обсуждений в Лондоне термин «антропология» был избран для названия единого союза, объединившего членов прежних этнологических и антропологических обществ: Королевский антропологический институт Великобритании и Ирландии (RAI)⁸. Таким образом, антропология стала понятием более высокого порядка, а понятие «этнология» приобрело подчиненное значение. Такая субординация распространяется и на преподавание этих дисциплин в Англии и Соединенных Штатах, где этнология с 1871/1880 гг. рассматривалась и стала рассматриваться впредь как часть антропологии. Эта перемена понятий (от этнологии к антропологии) произошла после Второй мировой войны также в Нидерландах (около 1950 г.) и во Франции, где учебный курс этнологии был переименован в культурную антропологию с одной стороны и социальную антропологию – с другой. Из-за таких изменений первоначальное значение предмета, а именно описание народов, было утрачено.

Именно такое значение мы находим у Герарда Фридриха Миллера, который во время многолетних исследований в Сибири задумал и даже частично реализовал начала практической этнографии. Миллер описал многие сибирские народы и создал понятие «описание народов» (1740). Он стимулировал других исследователей (Крашенинников, Стеллер) и дал толчок последующим этнографическим исследованиям в Сибири, а также в южных регионах России.

Творчество Миллера образует, таким образом, исходную фазу концептуализации этнографии и этнологии, фазу, которая продолжалась от представлений Лейбница о происхождении народов до описаний сибирских народов Миллера. Эта фаза включает в себя разработку описания народов на основе практики. В немецко-русском раннем Просвещении описание народов проистекает из практики в Сибири (1733–1743).

На втором этапе был сделан шаг от описания народов Миллера к этнографии (1767–1775). Это понятие, насколько известно, впервые

появилось в 1767 г.в трудах двух филологов из Нордлингена (Швабия). Там Иоганн Фридрих Шепперлин использовал термин «этнография» в тексте на латыни, а его коллега Альбрехт Фридрих Тило – термин «народоописание» в немецкоязычной рецензии на эту работу. Вопрос, как идея описания народов в Сибири (Россия) привела к появлению новогреческого искусственного слова «этнография» в Швабии (Германия), может получить простой ответ, если учесть, что связующим звеном был Август Людвиг Шлецер. Молодой историк вступил в контакт с Миллером в Санкт-Петербурге, был его ассистентом (1761–1762) и шесть месяцев жил в доме Миллера. Там он усвоил ценность (полезность) идей Миллера касательно описательной и сравнительной этнографии, а затем эти идеи перенес в Германию. Когда в 1766 г. Шлецер посещал своих родственников во Франконии, возможно, он вступал в контакты с Шепперлином и/или Тило, с которым состоял в родстве (мать Тило – урожденная Шлецер). Тило помогал советами Шлецеру в начале его обучения в Виттенберге и Геттингене. Так, возможно, сибирские идеи переместились в Германию.

Третья фаза – фаза обобщения, которая наступила около 1771 г. в Геттингене, когда понятие «народоведение» впервые было использовано в текстах на немецком языке. Эта фаза свидетельствует о процессе генерализации народоописания или этнографии до уровня народоведения (1767–1778). На этапе позднего Просвещения эта (региональная) этнография трансформировалась в Геттингене во всеобщее народоведение.

Четвертая фаза связана с этапом перехода от народоведения к этнологии (1781–1787). Он произошел прежде всего за пределами Геттингена, а именно в Вене, Лозанне и Йене. В Вене в 1783 г. этнология была определена Адамом Франтишеком Колларом как «*notitia gentium populorumque*» – наука о народах и нациях. В 1787 г. термин «этнология» впервые появился в зоне распространения французского языка, у Александра-Цезаря Шаванна в Швейцарии (Лозанна), где были широко известны немецкие источники. Во Франции термин «этнология» впервые был использован только в 1829 г. Анри-Мари Ампером.

В дальнейшем главное внимание [автор] будет уделено, прежде всего, первой фазе, вторая и третья будут обозначены коротко, четвертая здесь только упомянута. Наконец, будет сказано о начале процесса институционализации этнографии и этнологии в России.

Становление этнографии в России

В процессе концептуализации этнологии или народоведения суть первой фазы составляет изобретение этнографии Герардом Фридрихом Миллером в Сибири. Эти этнографические исследования стали возможны только благодаря двум поездкам, которые царь Петр Великий принял в Западную Европу. Частью плана Петра по модернизации России с намерением сделать решительный шаг на пути «вестернизации» стала его поездка 1697–1698 гг. в Германию, Голландию и Англию, а затем через Австрию и Польшу назад в Россию. В ходе второй поездки 1716–1717 гг. Петр посетил Голландию, Францию и Германию. Связи между Петром Великим и Германией обеспечивали, помимо прочих, Г. В. Лейбниц в Ганновере и Берлине, а также А.Г. Франке в Галле. Поездки Петра и новые контакты со многими западноевропейскими учеными привели, в конечном счете, к организации чрезвычайно результативных в научном смысле экспедиций в Сибирь и на Аляску.

В Санкт-Петербурге (заложен в 1703 г.) началось, благодаря основанию Кунсткамеры (1713–1714 гг.) и Российской академии наук (1724–1725 гг.), немецко-российское сотрудничество. С немецкой стороны в нем принимали участие Даниель Готтлиб Месершмидт, Герард Фридрих Миллер, Иоганн Георг Гмелин, Георг Вильгельм Стеллер, Иоганн Эбергард Фишер, Антон Фридрих Бюшинг, Август Людвиг Шлёцер, Иоганн Бекман, Петер Симон Паллас и Иоганн Готтлиб Георги, с российской стороны – Василий Никитич Татищев, Петр Николаевич Рычков, Михаил Васильевич Ломоносов, Степан Петрович Крашенинников, Иван Иванович Лепехин и многие другие. Это сотрудничество было направлено на естественнонаучное и культурно-историческое исследование Российской империи.

То обстоятельство, что в российских открытиях в Сибири приняли участие столь многие молодые немецкие ученые, имеет несколько причин: 1) Петром Великим была предоставлена возможность заниматься наукой в России и при этом получать хорошее жалованье; 2) русские, из страха перед миссионерской деятельностью, не желали никаких католических ученых (например, из Польши или Франции) и поэтому приглашали только протестантов, которых можно было найти в Германии, Голландии, Дании, Англии, Швейцарии и Швеции; 3) немцы были сравнительно хорошо образованы. Особенно представители центральной Гер-

мании (саксонско-тюрингский регион) имели высокий образовательный уровень, а Просвещение в центральной Германии – Лейпциге, Йене и Галле стимулировало критические, эмпирические исследования⁹. Многие из этих немцев (например, Д.Г. Мессершмидт и Г.В. Стеллер) были напрямую связаны с Галле¹⁰.

Миллер играл центральную роль в этом сотрудничестве. Он известен как «отец российской историографии», но он также активно работал в сфере этнографии Сибири. Как историк Миллер получил подготовку в университетах Ринтельна и Лейпцига. В Лейпциге его учителем, пусть и короткое время, был историк Й.Б. Менке, издатель известной «*Acta Eruditorum*». Миллер работал в университетской библиотеке и ассистировал Менке при наведении порядка в его частной библиотеке. По рекомендации Менке в ноябре 1725 г. Миллер прибыл в Россию, где работал всю оставшуюся жизнь. Сначала в качестве адъюнкта, а с 1731 г. – профессора истории, Миллер работал в архиве Российской академии над изданием многочисленных официальных журналов, и в библиотеке как ассистент профессора Шумахера. Обстоятельства сложились так, что в феврале 1728 г. Миллеру пришлось разбирать богатые коллекции Мессершмидта. Это обстоятельство решительным образом повлияло на интерес Миллера к Сибири, возникший в процессе чтения путевой литературы.

Даниель Готтлиб Мессершмидт (1685–1735) был первым исследователем-естествоиспытателем Сибири (1720–1727). В первый год он путешествовал совместно с Филиппом Иоганном Таббертом фон Страленбергом, шведским офицером, который к тому времени провел четыре года в поездках по Сибири и позднее опубликовал в комплекте с картами и лингвистическими таблицами (*harmonia linguarum*) описание «Северная и восточная часть Европы и Азии» (Стокгольм, 1730). Мессершмидт использовал опыт Табберта и его контакты и в течение восьми лет исследовал Западную, Центральную и частично Восточную Сибирь. В почти полном одиночестве он занимался сразу семью областями науки, прежде всего ботаникой, зоологией, минералогией, народной медициной, а также археологией, лингвистикой и этнографией. Хотя его образование было медицинским и естественноисторическим, Мессершмидт занимался также историческими изысканиями. Он исследовал народы Сибири, их языки, обычаи, древности. Он занимался также этнографией и собирал этнографические объекты. К сожалению, после возвращения Мессершмидта атмосфера в новой столице не располагала к

научной работе, и Мессершмидт утратил мотивацию. Его рукописи, включая *Sibiria perlustrata*, оставались неопубликованными в архивах Санкт-Петербурга. Часть его путевых дневников впервые была опубликована только во второй половине XX в.¹¹

Летом 1725 г. Мессершмидт встретился в Енисейске с датским первооткрывателем Витусом Берингом, которому Петром Великим было поручено прояснить вопрос о сухопутном или морском пути сообщения между Азией и Америкой. Для этого были снаряжены две экспедиции. Первая экспедиция Беринга, или Камчатская (1725–1730), проходила исключительно по морскому ведомству. В ней не принимал участия ни один ученый, поэтому не было ни одного этнографического описания. Однако была проведена большая работа по картографированию и можно предположить, что были собраны этнографические артефакты. К сожалению, почти все этнографические объекты погибли при пожаре в Кунсткамере в декабре 1747 г.

В ходе Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) артефакты уже систематически собирались и зарисовывались. На этот раз в экспедиции участвовали многие ученые – члены Российской академии наук в Санкт-Петербурге: астроном Луи Делиль де ла Круа, химик и ботаник Иоганн Георг Гмелин и историк Герард Фридрих Миллер. Позднее к ним присоединились ботаник Георг Вильгельм Стеллер и историк Иоганн Эбергард Фишер. Вместе со многими российскими студентами, как Степан Петрович Крашенинников, эти молодые академики провели исследования во всех направлениях. Стеллер был первым исследователем, который отправился с Берингом на Аляску¹².

Миллер и основание этнографии

Миллер предложил в качестве темы своего участия во Второй Камчатской экспедиции «*Historia getium*», или историю народов. Тем самым он способствовал расширению исследовательских проектов экспедиции. Как только Миллер узнал, что, согласно предложениям академии наук Сенату от июля 1732 г., подыскивались два профессора, которые, наряду с физическими науками (астрономия, физика и анатомия) и естественной историей (ботаника, зоология, минералогия), должны были исследовать обычаи и религиозные представления населения, он связался с Берингом. Позднее он писал, в чем состоял его мотив: «Я страстно желал, что в такой необычайной и дальней поездке не могут остаться

без внимания история территорий народов, древности, обычаи и обряды народов и т.п.»¹³. В ноябре 1732 г. Миллер был зачислен в состав экспедиции. При подготовке к путешествию он штудировал текст из собрания Мессершмидта, «Северную и восточную Тартарию» (*«Noord en Oost Tartarye»*) Витцена (1692, 1705), путевые известия Брандт Идеса, Олеариуса, Лафита и т.д.

Перед началом поездки Миллер составил инструкцию из десяти пунктов, касающуюся его собственного участия в экспедиции, которая представляла собой выписку из *«De historia gentium»* (ноябрь 1732 г.)¹⁴. В ходе путешествия Миллер развил эту «историю народов» в систематическую программу описания народов Сибири, которую он обобщил термином «описание народов». В Сургуте на реке Обь летом 1740 г. своему возможному преемнику Фишеру он передал весьма обширную инструкцию, которая, среди прочего, содержала раздел «Об описании обычаев и обрядов народов». В 923 пунктах Миллер расписал все, что было необходимо для исследования народов Сибири, и предпослал этому обозначение «описание народов». Миллер закончил свое программное изложение призывом к сравнительному изучению: «Для более полного толкования при этих описаниях народов (Сибири) надо принимать во внимание все рукописные тексты и путевые описания, которые содержат известия о подобных нравах и обрядах прочих азиатских, африканских и американских народов и составлять всесторонние сравнения»¹⁵.

По истечении семи лет интенсивных исследований в Сибири Миллер, таким образом, сделал шаг от *historià gentium* к народоописанию как части всеобщей науки. Миллер считал, что серия описаний народов была бы необходима для всеохватного изучения Сибири. Эта серия должна была объединиться с описаниями «других азиатских, африканских и американских народов» и привести к созданию сравнительной науки о народах. Таким образом он расширил этнологическую программу Лейбница, который в 1710 г. призывал посредством изучения языков внести ясность в изучение ранней истории народов¹⁶.

Самому Миллеру удалось даже отчасти выполнить программу исторического описания народов: он описал многие сибирские народы, при этом большая часть этих описаний до сих пор остается неопубликованной. При жизни он опубликовал статью этнографического содержания¹⁷, и лишь сравнительно недавно увидела свет часть его сибирских заметок¹⁸. Синтетическое собрание его этнологических трудов – «Опи-

сание народов Сибири» хранится в рукописном виде в Москве и в настоящее время обрабатывается Виландом Хинцше из Галле и Александром Христиановичем Элертом из Новосибирска¹⁹.

В ходе путешествия Миллер направлял своих попутчиков, последователей и русских студентов на проведение этнографических исследований. Он написал инструкции для Крашенинникова (1738), Стеллера (1739), Фишера (1740) и других исследователей Сибири. Работы Стеллера и Крашенинникова содержали этнографический материал, который частично был результатом побуждений и инструкций Миллера²⁰. Рисовальщикам Второй Камчатской экспедиции Миллер поручал изображать наряду с растениями и животными также предметы одежды сибирских мужчин и женщин, а также зарисовывать собранные этнографические и археологические предметы. Изображения вплоть до сего дня остаются в архивах Санкт-Петербурга, но не обработаны. Собранная этнографика большей частью была утрачена из-за пожара 1747 г. в Кунсткамере.

Миллер также самостоятельно собирал предметы археологии и этнографии, так, например, к январю 1741 г. он получил 108 предметов одежды сибирских народов, таких как самоеды, остяки, якуты, юкагиры, ламуты, коряки и тунгусы. К ним он приложил список названий, который, вероятно, был включен в «сибирский словарь» (*Vocabularium Sibiricum*)), подготовленный Фишером²¹.

Программа сравнительного исследования сибирских народов Миллера должна была стать частью «Всеобщего описания народов мира» (предисловие 1746 г.). Он рассматривал специфическую (региональную) историографию как составную часть всеобщего описания народов. Одновременно он обозначил различие между этнографией (частное народоведение) и этнологией (всеобщее народоведение) еще до Эрмана, который сделал это в 1808 г.²². Термин «народописание», предложенный Миллером в 1740 г., явился прототипом для термина «этнография». Он обдумывал этнографические методы: как обращаться с переводчиками, как нужно ставить вопросы, как необходимо вести дневники и т.п.

Миллер работал в Сибири не только как историк, географ и статистик, но и как археолог, лингвист и этнограф. То есть, именно так, как он представлял себе содержание «истории народов» или *historia gentium*. Тот факт, что он принимал участие в научной экспедиции именно как **историк**, остается до сих пор недостаточно оцененным. В то время как естествоиспытателю Мессершмидту приходилось также исследовать

сибирские памятники, языки и народы, Миллеру было относительно проще: изучение трех царств природы взял и на себя Гмелин и Стеллер, а Миллер как историк имел дело «только» с историческими темами, к которым относилась также и этнография.

Таким образом, уже в 30–40-е годы еще до введения народоведения в Геттингене и Вене, описание народов было сформулировано и употреблялось в сибирской практике. Вклад Миллера оказался решающим. Он обрисовал программу, обдумал новые методы, направлял исследователей и сделал все, чтобы придать этой новой дисциплине критически-сравнительный характер. При этом Миллер не имел мотивов для разработки своих данных. Россия не была заинтересована в издании за границей, из-за чего роль Миллера остается неизвестной в западном мире. Это связано в первую очередь с тем, что этнографические источники Мессершмидта и Миллера до сих пор не опубликованы. В России и на востоке Германии эти факты вообще уже известны: Миллер был, по словам Элерта «первым этнографом», а Гофман в своей биографии Миллера посвятил его этнографической деятельности целую главу: «Этнограф»²³. По моему мнению, Миллера следует оценивать как одного из важнейших основоположников этнографии не только потому, что он сам работал в этой сфере, но и потому, что он нацеливал других на этнографические исследования.

Влияние Миллера

Влияние Миллера было обширно. Не только во время поездки, но и позже он выступил с множеством инициатив по исследованию народов Сибири и тем самым оказал значительное влияние на становление народоведческой науки в России. Миллер руководил работой Крашенинникова, предоставил свой раздел для книги Стеллера о Камчатке и руководил подготовкой «Историей Оренбурга» Рычкова (год издания – 1759).

Миллер передал множество географической информации о России А.Ф. Бушингу, ведущему берлинскому географу, который ранее работал в Санкт-Петербурге²⁴.

Миллер поддерживал хорошие отношения с Иоганном Давидом Михаэлисом, востоковедом из Геттингена, одним из организаторов датской экспедиции на Восток, которая была осуществлена под руководством Карстена Нибура в 1761–1767 гг., и подготовил для нее, в контакте

со многими учеными из Геттингена и Парижа, опросный лист. Он был рекомендован Михаэлису наряду с Миллером также и Шлецером.

Миллер, возможно, поддерживал также отношения с Форстером, исследователем Черного моря. Его отец Иоганн Рейнгольд Форстер был после второго кругосветного путешествия с Джеймсом Куком (1772–1775) профессором естественной истории и минералогии в Галле (1780–1798), где его сын Георг Форстер получил ученую степень за исследование растительного мира Черного моря (1785). Эти отношения могли быть установлены еще в ранние 60-е годы XVIII в., когда отец исследовал в России жизнь немецких колонистов в Поволжье. Сын тогда учился в «*Petri-Schule*» в Санкт-Петербурге.

Миллер имел хорошие отношения с Петером Симоном Палласом (1741–1811), естествоиспытателем, объехавшим Сибирь и пограничные области Монголии. В правление Екатерины Великой (1762–1796) были подготовлены новые экспедиции, которые стали известны под названием «академических экспедиций» (1768–1774). Их целью было изучить природу и культуру Сибири, Кавказа и Оренбургской губернии (Астрахань), сделать эти области доступными для хозяйственного освоения и восполнить потери, вызванные пожаром в Кунсткамере. Миллер выступал консультантом и помогал Палласу при подготовке и написании инструкций для участников.

На этот раз описания были опубликованы, а также напечатаны сообщения Палласа, Ивана Ивановича Лепехина, Иоганна Петера Фалька, Самуэля Готтлиба Гмелина, Иоганна Антона Гюльденштедта и Иоганна Готтлиба Георги. Этнографические описания интересовали в первую очередь Палласа, Фалька и Георги. Третий том «*Beitrage zur topographischen Kenntniß des Rußischen Reichs*» Фалька (С-Петербург, 1786) содержит описания тридцати народов («наций России») со сравнением их языков. Георги написал обобщающее «Описание всех народов Российской империи» в четырех томах с 95 раскрытыми от руки гравюрами Рота (С.М. Roth)²⁵. Паллас был первым, кто с 1781 г. издавал журнал, в котором наряду с географическими описаниями, естественной историей и экономикой была представлена как самостоятельная дисциплина этнография²⁶.

Трудами Палласа, Георги и Фалька этнографический дискурс стал достоянием общественности, но он был формулирован и инспирирован Мессершмидтом и, прежде всего, Миллером. Миллер не

только оказал значительное влияние на естествоиспытателя Палласа, он воздействовал также и на историка Шлецера.

Шлецер как основатель этнографии

Август Людвиг Шлецер (1735–1809) не был полевым исследователем, как Мессершмидт, Миллер и особенно Стеллер, но в истории этнологии его значение велико. Он стоял у истоков этнографии (народоведения) и разработал «этнографический метод». С 1761 по 1767 гг. Шлецер работал в Санкт-Петербурге, а с 1769 г. был профессором истории в Геттингене. В своем главном труде «Всеобщая история Севера» (Галле, 1771) Шлецер использовал обозначения «этнографический», «этнография» и «этнограф» наряду с «народоведение». Также в своем учебнике «Представление о всеобщей истории» (1772, 2-е изд. 1775) Шлецер ввел в историографию «этнографический метод».

Шлецер был третьим автором, который после Шёпперлина и Тило использовал термин «этнография», но первым, кто употребил слово «народоведение». Он ввел этот новый концепт в исследовательский дискурс в Геттингене. В период генерализующих обобщений (*Verallgemeinerung*), который наступил в Геттингене около 1771 г. Шлецер играл одну из главных ролей. На этом этапе, когда термин «народоведение» был впервые использован в немецкоязычных текстах, речь шла о генерализации народоописания или этнографии в «народоведение» (1767–1778). В Геттингене эпохи позднего Просвещения (региональная) этнография Миллера была преобразована Шлецером во всеобщее – «народоведение».

Шлецер изучал теологию и филологию в Виттенберге (1751–1754), затем классическую филологию у Гезнера в Геттингене, восточную филологию у Иоганна Давида Михаэлиса и теологию у Мосхейма. Лекции Михаэлиса в первую очередь оказали большое влияние на Шлецера. С самого начала он испытывал тягу к путешествиям: сначала хотел работать миссионером на Молукках (Индонезия), позднее стремился объехать Восток (был кандидатом в знаменитую датскую арабскую экспедицию). Все это ему не удалось, однако ездил он довольно много: в 1755–1759 гг. работал в Швеции, в 1761–1765 и 1766–1767 гг. – в России, в 1773–1774 посетил Францию, в 1781–1782 – Италию. При этом он не покидал пределов Европы, хотя вступал в контакты с представителями всех объединенных Российской империей народов и на протяжении всей жизни сохранял интерес к восточным, славянским и германским народам.

Но больше всего он любил Геттинген, где он трижды проходил обучение (1754–1755, 1759–1761, 1765–1766) и где в мае 1769 г. стал профессором истории Севера.

Одним из ранних его произведений является «Проверка российских анналов» (1768), важнее которого «Всеобщая история Севера» (1771) и «Представление о всеобщей истории» (1772, вторая часть 1773, второе изд. 1775). «Всеобщая история Севера» – мастерское произведение, которое по своему влиянию на современников едва ли сравнимо с другими книгами. Но сегодня книга почти неизвестна, возможно, потому, что была издана как часть тома в серии «Всеобщая всемирная история» Баумгартена и Землера²⁷.

В этой книге Шлецер обобщил новые материалы по истории народов и государств европейского и азиатского Севера, чтобы представить связи между северными частями этого континента (сегодня – Евразии). С позиций Просвещения Шлецер порицал неправильные, отрывочные представления об этих частях света в работах датских, норвежских, французских, и, прежде всего, английских авторов. Опираясь на труды Страленберга, Миллера, Фишера, Рычкова, Гмелина, Витцена, Крашенинникова и материалы о языках сорока сибирских народов в *Vocabularium Sibiricum* Фишера, Шлецер предложил новую классификацию народов Российской империи, которую изложил в «Проверке российских анналов», а затем дополнил во «Всеобщей истории Севера».

Из этих книг становится ясно, что интерпретации Шлецера, сложившиеся в Геттингене как «исследователя истории и публициста» (мемориальная доска на ул. Шлецера в Геттингене) и как «историка и государствоведа» (мемориальная доска на доме, где он жил), являются односторонними. При этом упускается из виду, что в ранний период деятельности (1760–1773) Шлецер усиленно занимался лингвистическими исследованиями, особенно восточными, славянскими и финно-угорскими языками, а также языками народов и народностей, входивших в состав Российской империи. То, что эти обстоятельства до сих пор практически неизвестны, возможно, связано с тем, что до сих пор не сделан вывод: комбинация лингвистических и исторических исследований подтолкнула Шлецера к интродукции народоведения. Тем самым Шлецер генерализировал идеи Миллера и обобщил его народописание.

Это связано, прежде всего, с теориями Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1712), согласно которым для классификации народов древ-

ней истории были пригодны только их языки. В своей «Всеобщей истории Севера» Шлецер использовал эту теорию и упорядочил народы европейского и азиатского Севера в единую систему на основе их языков. Интересно, что Шлецер назвал такую систему народов «*Systema populorum*» – имплицитная ссылка на систематику природы Карла Линнея (с 1761 г. – Карл фон Линней).

Через эти размышления, а особенно благодаря представлению, что до сих пор в науке отсутствуют народы (заключение, которое сделал также Руссо), Шлецер пришел к идее народоведения. Для Шлецера народоведение было в первую очередь этнографией, то есть описательным народоведением. Как и Миллер, он считал, что создание серии описаний народов должно трансформироваться в народоведение. В отличие от Миллера Шлецер считал, что тем самым будет сделан лишь первый шаг к созданию «агрегата всемирной истории». Он необходим для того, чтобы сделать второй шаг – к представлению «системы всемирной истории». В своем учебнике по всеобщей мировой истории (1772–1775) Шлецер предложил для этого развивать исторические исследования в направлении систематизации и реформирования²⁸. Эти его идеи стали широко известны и несправедливо оттеснили его более ранние, в основном этнографические труды.

После того как Миллер стал основателем этнографии, Шлецера, по моему мнению, следует расценивать как автора идеи народоведения. Он вслед за народоописанием Миллера сделал шаг ко всеобщему народоведению. Следующий шаг был сделан в Вене.

Коллар и этнология

В 1783 г. это «народоведение» было преобразовано Адамом Франтишекком Колларом, историком и придворным библиотекарем из Вены, которому были известны труды Шлецера, в «этнологию». Не Шаванн в Лозанне, во французской Швейцарии, первым использовал термин «этнология», а Коллар в Вене, в центре многонационального государства Австро-Венгрии. Коллар использовал слово в его новогреческой форме, как «*ethnologia*», и дал дефиницию, которая отчасти перекликалась с взглядами Шлецера: «*Ethnologia ... est notitia gentium populorumque, sive est id doctorum hominum studium, quo in variarum gentium origines, idiomata, mores, atque instituta, ac denique patriam vetustasque sedes eo consilio inquirunt, ut de gentibus populisque sui aevi rectius iudicium ferre possint*»²⁹.

Или: «Этнология – это опыт национальных сообществ и народов, если они являются предметом внимания ученых мужей, которые изучают происхождение, языки, обычаи, организацию различных народов, а, в конечном счете – собственного отечества и старых мест проживания с намерением исследовать вопрос, как лучше (правильнее) судить о племенах и народах, современных им».

Центром этнологических дефиниций Коллара является различие между «*gens*» и «*populus*», то есть народностью и народом, как и формулировка «*origines gentium*» (происхождение народов). Точно такая же формулировка встречается у Лейбница (1710) и у Шлецера в его «Всеобщей истории Севера» (1771). Шлецер и Коллар придерживались также близких методов, поскольку оба исходили из предпосылки, что при классификации народов ранней истории следует опираться только на данные об их языках – представление, которое Лейбниц сформулировал еще за 60–70 лет до того.

На этой ранней стадии развития этнографии/этнологии речь шла не только о России, которая была многонациональным государством, и Германии, которая хоть и обладала культурно-национальным единством, но не представляла собой единого государства, но и о международных связях между историками, правоведами, а также географами и филологами в Центральной Европе, которых интересовал целый ряд общих тем: во-первых – большое число еще неизвестных народов, во-вторых – места происхождения этих народов, и в-третьих – их обычаи и обряды. Нельзя недооценивать значение Шлецера как медиатора в этом европейском процессе, поскольку он занимал центральное место в этом окружении и поддерживал со всеми названными лицами тесные связи. В 1999 г. я писал об этом процессе: «Это свидетельствует, что этнография как народописание своим происхождением обязана колониальной практике немецких ученых, работавших в Российской империи: дважды в Сибири, на Кавказе и в Поволжье (1733–1767), а затем она была генерализована в народоведение или этнологию в академических центрах Геттингена и Вены (1771–1783). Как результат, этнография в колониальной части России расцвела и получила широкое распространение до таких пределов, что институционализировалась как дисциплина намного раньше, чем в Западной Европе и США»³⁰.

Институционализация народоведения

Процесс институционализации народоведения или этнологии и этнографии прошел через множество этапов и трем из них был дан толчок в России.

Когда Й.Р. Форстер и М. Шпенглер издали в 1781 г. в Лейпциге первый номер журнала «Сообщения о народо- и страноведении», в том же году за ними последовал П.С. Паллас с журналом «Новые северные сообщения об описаниях земли и народов, естественной истории и экономии» (СПб., Лейпциг, 1781–1796).

Первое антропологическое общество было основано в Париже как «Общество наблюдений за человеком» (1799–1804). Но первый «этнографический музей» возник в Санкт-Петербурге, когда в 1836 г. этнографическое отделение было выделено из Кунсткамеры и превратилось в самостоятельный музей³¹. То, что это событие было прогрессивным с международной точки зрения, можно вывести из сравнимых событий: в Лейдене инициатива создания этнографического музея возникла в 1837 г., но только в 1864 г. он действительно был основан; в Париже планы создания музея этнографии существовали с 1839 г., но открыт он был только в 1879 г.; в Копенгагене этнографический музей был основан в 1841 г., но только в 1852 его собрания переехали в собственное здание.

Первые этнологические общества были основаны: в 1839 г. в Париже (*Societe Ethnologique*), в 1842 г. в Вашингтоне (*American Ethnological Society*), в 1843 г. в Лондоне (*Ethnological Society of London*, с 1871 г. преобразовано в *Royal Anthropological Institute*). Русское географическое общество, основанное в 1845 г., создало тогда же секцию этнографии, научную организацию, которая отчасти сравнима с прочими этнографическими обществами.

Кафедра этнографии была основана в 1837 г. при Российской академии наук в Санкт-Петербурге, где А. Шегрен был назначен профессором языков и этнографии финских и кавказских народов; в 1844 г. он стал также директором этнографического музея в Санкт-Петербурге³².

Заключение

Герард Фридрих Миллер в Сибири внес решающий вклад в становление этнографии. Этнография оформилась как наука в сибирской практике раннего XVIII столетия, в период немецкого и российского раннего Просвещения. При этом речь идет не только о начале сибирской этнографии, но и о начале этнографии вообще.

Условия России были наиболее благоприятны для ранней фазы становления народоведения. Это заключалось не только в том, что Россия представляла собой динамично развивавшееся многонациональное государство, но также и в том, что туда приглашались лучшие зарубежные ученые, которые получали шанс сделать что-либо полезное для России и для науки.

Этот ранний старт оказался возможным не в последнюю очередь потому, что немецкоязычные ученые, которые работали в России, имели обширные перспективы исследования народов, а их эмпирический образ действий был обусловлен духом Просвещения. Соединение немецкого и российского раннего Просвещения в научном отношении было особенно плодотворным. В рамках проекта Лейбница посредством изучения языков прояснить раннюю историю народов немецкие и российские исследователи, прежде всего Герард Фридрих Миллер, породили народописание, или этнографию (1740), которая в период позднего Просвещения была преобразована стараниями Августа Людвиг Шлецера в Геттингене в народоведение (1771) и Адама Франтишека Коллара в Вене в этнологию (1783).

Происхождение этнографии связано с обстоятельствами этнической и государственно-политической практики раннего XVIII века. Миллер был одним из самых значительных основателей этнографии. Он понимал перспективы народоведения, работал как этнограф, в том числе собирал этнографические, исторические и археологические материалы, он стимулировал других ученых.

Начала этнологии, таким образом, обнаруживаются не в XIX веке, как это было принято считать до сих пор, а уже в XVIII в. – в Сибири и России. Тем самым немцы и русские опередили другие нации Европы на столетие.

Этот процесс повсеместно в Западной Европе выпал из поля зрения, поскольку важнейшие источники не опубликованы. Для познания

этносов России и для лучшего представления истории становления этнологии, важно осознавать, что этнография получила развитие уже в начале XVIII в. в Сибири.

Благодаря этому раннему старту и благоприятному политико-экономическому положению страны Россия обладала в XIX в. не только старейшим этнографическим музеем и самыми ранними этнографическими описаниями, но и первой этнографической секцией географического общества и первой кафедрой этнографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья написана на основе доклада, подготовленного для международного симпозиума «Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница», состоявшегося в Сургуте и Ханты-Мансийске 7–15 сентября 2005 г. Я благодарю организаторов за дружеское приглашение к участию в этом великолепном, динамичном мероприятии. Виланду Хинцше из Галле я благодарен за предоставленные архивные материалы Миллера. За поправки и корректуру я должен выразить особую благодарность Буркхарду Функу из Геттингена и Хейке Геклау из Галле.

² См., например: *Thomas Hylland Eriksen & F. S. Nielsen. A History of Anthropology.* London: Pluto Press, 2001.

³ *Edward Evan Evans-Pritchard. A History of Anthropological Thought.* London: Faber and Faber, 1981; *Alan Barnard. History and Theory in Anthropology.* Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

⁴ *Michule Duchet. Antropologie et historie au siecle des Lumieres: Buffon, Voltaire, Rousseau, Helvetius, Diderot.* Paris: François Maspero (Bibliothèque d'Anthropologie), 1971. S. 12. Neudruck, Paris, 1995.

⁵ *Joseph-François Lafitau. Moeurs des sauvages Ameriquains, comparues aux moeurs des premiers temps.* 2 Bde. Paris: Saugrain & Charles Estienne Hochereau, 1724. S. 4. Deutsche Übersetzung *Die Sitten der amerikanischen Wilden im Vergleich zu den Sitten der Frühzeit.* Halle, bey Johan Justinus Gebauer, 1752. S. 2.

⁶ *Urs Bitterli. Die «Wilden» und die «Zivilisierten»: Grundzüge einer Geistes- und Kulturgeschichte der europäisch-überseeischen Begegnung.* München: C. H. Beck, 1971, 2. Auflage 1991; Regna Darnell (ed.). *Readings in the History of Anthropology.* New York; Evanston; London: Harper and Row, 1974.

⁷ *Han F. Vermeulen. Origins and Institutionalization of Ethnography and Ethnology in Europe and the USA, 1771–1845* // Han F. Vermeulen and Arturo Alvarez Roldán (eds.). *Fieldwork and Footnotes: Studies in the History of European Anthropology.* London; New York: Routledge, 1995. S. 39–59. Фермойлен Х. Ф. Происхождение и институционализация понятий «Völkerkunde» (Возникновение и развитие понятий «Völkerkunde», «Ethnographie», «Völkskunde» и «Ethnologie» в конце XVIII и начале XIX в. в Европе и США) // Этнографическое обозрение. 1994. №. 4. С. 101–109.

⁸ *George W. Stocking, Jr.* What's in a Name? The Origins of the Royal Anthropological Institute, 1837–1871. *Man* (New Series) 6(3), 1971. S. 369–390.

⁹ *Günter Mühlpfordt.* Aufbruch in die Moderne: Mitteldeutsche Aufklärung. Eine Reformbewegung der Frühmoderne – Brücke zwischen West und Ost, Modell in Deutschland und Europa // *Zur Kultur- und Sozialgeschichte Sachsen-Anhalts*, hrsg. vom Landesheimatbund Sachsen-Anhalt. Halle, 1995. P. 50–72; ders., *Mitteldeutschland als Kulturherd der Frühneuzeit: Von der Wittenberger Reformation bis zur Weimarer Klassik* // *Heiner Lück & Werner Freitag* (Hrsg.), *Historische Forschung in Sachsen-Anhalt: Ein Kolloquium anlässlich des 65. Geburtstages von Walter Zöllner*. Stuttgart; Leipzig, Abhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaft zu Leipzig, Philologisch-historische Klasse 76(3), 1999. S. 53–88.

¹⁰ *Eduard Winter.* *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert*. Berlin: Akademie-Verlag (Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik 2), 1953.

¹¹ *Daniel Gottlieb Messerschmidt.* Forschungsreise durch Sibirien, 1720–1727. Teil 1: Hrsg. von Eduard Winter und Nikolai Aleksandrovich Figurovskij; Teil 2–5: Hrsg. von Eduard Winter, Georg Uschmann und Günther Jarosch. Zum Druck vorbereitet von Günther Jarosch. 5 Bde. Berlin: Akademie-Verlag (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas 8), 1962–1977.

¹² *Wieland Hintzsche und Thomas Nickol* (Hrsg.). *Die Grosse Nordische Expedition: Georg Wilhelm Steller (1709–1746) – ein Lutheraner erforscht Sibirien und Alaska. Eine Ausstellung der Frankeschen Stiftungen zu Halle*. Gotha: Justus Perthes Verlag, 1996.

¹³ [Г. Ф. Мюллер и др.] *История Академии наук 1725–1743 / Материалы для истории Императорской Академии наук*. Т. VI (1725–1743). СПб., 1890. С. 263.

¹⁴ *G. F. Müller.* *De historia gentium* (1732) // *Wieland Hintzsche* (Hrsg.). *Dokumente zur 2. Kamchatkaexpedition 1730–1733*, Akademiegruppe. Halle: Verlag der Frankeschen Stiftungen (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven IV, 2), 2004. S. 145–148.

¹⁵ *Instruktion G. F. Müller's für den Akademiker-Adjuncten J. E. Fischer: «Unterricht, was bey Beschreibung der Völker, absonderlich der Sibirischen in acht zu nehmen»* // *Fr. Russow*, Beiträge zur Geschichte der ethnographischen und anthropologischen Sammlungen der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg. *Sbornik muzeja po antropologii i etnografii pri Imperatorskij Akademij Nauk* / *Publications du musée d'anthropologie et d'ethnographie de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg*. Bd. I, 1900. S. 83.

¹⁶ *G. W. Leibniz.* *Brevis designatio meditationum de Originibus Gentium, ductis potissimum ex indicio linguarum*. *Miscellanea Berolinensia* I, 1710. S. 1–16.

¹⁷ *G. F. Müller.* *Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen und Wotiacken* [1733] // *G. F. Müller* (Hrsg.). *Sammlung Russischer Geschichte*. III. Band, Stück 4, 1759. S. 305–419 (*Vocabularium harmonicum*. S. 380–419). Eine Russische Übersetzung erschien 1791 in Sankt Petersburg.

¹⁸ *Nachrichten über Völker Sibiriens (1736–1742)* von Gerhard Friedrich Mueller. Hrsg. von Eugen Helinski und Hartmut Katz. Hamburg: Institut für Finnougristik/Uralistik

(Hamburger Finnisch-ugrische und Sibirische Materialien = Habent Sua Fata Manuscripta, Bd. 2), 2003.

¹⁹ G. F. Müller. Beschreibung der sibirischen Völker. Bearbeitet von Wieland Hintzsche in Zusammenarbeit mit Aleksandr Christianovich Elert. Halle: Verlag der Frankeschen Stiftungen (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven VII–VIII), запланировано на 2007–2008 гг. В Новосибирске Александр Элерт готовит русский перевод. См.: G. F. Mueller. The Kings of the Taiga: Fragments from a Description of Siberian Peoples, translated by A. Elert // Science First Hand: Popular Science Journal. 1(4), 2005. P. 130–137.

²⁰ Gudrun Bucher. «Von Beschreibung der Sitten und Gebräuche der Völker». Die Instruktionen Gerhard Friedrich Müllers und ihre Bedeutung für die Geschichte der Ethnologie und der Geschichtswissenschaft. Stuttgart: Franz Steiner Verlag (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa 63), 2002.

²¹ [J. E. Fischer et al.]. Vocabularium continens trecenta vocabula tringinta quatuor gentium, maxima ex parte Sibiricarum, 99 S. Niedersächsische Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen, Cod. Ms. 4° Philol. 261.

²² T. F. E[hrmann]. Umriss der allgemeinen und besondern Völkerkunde // F. J. Bertuch und J. S. Vater (Hrsg.). Allgemeines Archiv für Ethnographie und Linguistik, I(1), Weimar, im Verlage des Landes-Industrie-Comptoirs 1808. S. 9–25.

²³ Peter Hoffmann. Gerhard Friedrich Müller (1705–1783): Historiker, Geograph, Archivar im Dienste Russlands. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005.

²⁴ Peter Hoffmann (Hrsg.). Geographie, Geschichte und Bildungswesen in Rußland und Deutschland im 18. Jahrhundert: Briefwechsel Anton Friedrich Büsching — Gerhard Friedrich Müller, 1751–1783. Berlin: Akademie-Verlag (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas 33), 1995.

²⁵ J. G. Georgi. Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten. 4 Bde. 4° St. Petersburg, verlegt Carl Wilhelm Müller, 1776–1780, Kupferband 1775–1776. Französische und Russische Ausgaben in 3 Bde. St. Petersburg, 1776–1777; Englische Ausgabe in 3 Bde. London, 1780; Russische Ausgabe in 4 Bde. St. Petersburg, 1799.

²⁶ P. S. Pallas (Hrsg.). Neue Nordische Beyträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Oekonomie. 7 Bde. St. Petersburg und Leipzig, bey Johann Zacharias Logan. Bd. 1. 1781–4.1783; Bd. 5. 1793–7.1796 u.d. Titel Neueste Nordische Beyträge ... Bd. 1–3.

²⁷ A. L. Schlözer. Fortsetzung der Allgemeinen Welthistorie durch eine Gesellschaft von Gelehrten in Teutschland und Engeland ausgefertigt, XXXI Theil. Halle, bey Johann Justinus Gebauer (Algemeine Welthistorie von Anbeginn der Welt bis auf gegenwärtige Zeit, XXXI Theil, Historie der Neuern Zeiten, XIII Theil). Das Buch enthält eine «Vorläufige Abhandlung» und die Allgemeine Nordische Geschichte. S. 207–618.

²⁸ A. L. Schlözer. Vorstellung seiner Universal-Historie. Göttingen und Gotha, bey Johann Christian Dieterich, 1772; Zweiter Teil, Göttingen und Gotha, bey Johann Christian Dieterich, 1773; 2. Auflage Vorstellung der Universal-Historie. 2 Bde. Göttingen, bey Johann Christian Dieterich, 1775.

²⁹ *A. F. Kollár. Historiae iurisque publici regni Hungariae amoenitates. 2 Bde. Vindobonae, typis a Baumeisterianis, 1783. Bd. 1. S. 80.* Kollárs Definition, auf die der slowakische Historiker Ján Tibenský 1978 verwiesen hatte, wurde in der Sekundärliteratur in West-Europa nicht zur Kenntnis genommen; erst 1992, bei der EASA-Tagung in Prag wurde Kollárs Definition im Westen bekannt (Vermeulen 1995: 46, 57 Fn. 2).

³⁰ *Han F. Vermeulen. Anthropology in Colonial Contexts: The Second Kamchatka Expedition (1733–1743) and the Danish-German Arabia Expedition (1761–1767) // Jan van Bremen and Akitoshi Shimizu (eds.). Anthropology and Colonialism in Asia and Oceania. London; Richmond: Curzon Press, 1999. S. 29; auch zitiert in Werner Petermann, Die Geschichte der Ethnologie. Wuppertal: Peter Hammer Verlag, 2004. S. 296.*

³¹ То, что в России находится старейший этнографический музей, было отмечено еще в 1965 г. См.: *V. Kurylev. Das älteste russische Museum: 250 Jahre Peter I. Museum für Anthropologie und Ethnographie an der Akademie der Wissenschaften der UdSSR // Demos, ethnographische und folkloristische Information. Berlin, 6(1). 1965. S. 134–137.* Однако это утверждение связано с основанием Кунсткамеры в 1713–1714 г., но не с выделением этнографического музея из Кунсткамеры в 1836 г.

³² *Штернберг Л. Я. Двести лет российской этнографии и этнографических музеев. Природа. 1925. № 7–9. С. 45–66. Ср.: Han F. Vermeulen. Origins and Institutionalization of Ethnography and Ethnology... S. 52–53; 1999; Idem. Anthropology in Colonial Contexts... S. 29.*